

А. И. Ковалевская

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

**Герой, наделенный легендарными родителями:
формирование образа Мусасибо Бэнкэй
в «Сказании о Ёсицунэ»**

«Сказание о Ёсицунэ» – анонимное произведение XV в., отнесенное к жанру военных повествований (*гунки-моногатари*), в основе которого лежат некоторые исторические факты, но в большей степени устный материал и псевдоисторические данные. «Сказание о Ёсицунэ» является жизнеописанием знаменитого полководца XII в. Минамото-но Ёсицунэ, но в статье речь пойдет о не менее известном и ярком персонаже – вассале главного героя Сайто-но Мусасибо Бэнкэй. Рассмотрены возможные истоки формирования образа Бэнкэй и показано, что именно в «Сказании» он обрел свою целостность и стал значимым персонажем легенды в целом.

Ключевые слова: «Сказание о Ёсицунэ», гунки-моногатари, военные повествования, формирование фольклорного образа, книжный фольклор, японская литература.

«Сказание о Ёсицунэ» (далее – «Сказание») – анонимное произведение XV в., которое традиционно относят к произведениям жанра, получившего в филологической науке название «военные повествования» (*гунки-моногатари*). Написаны они были преимущественно в периоды Камакура (1185–1333) и Муромати (1336–1573) и фокусировались на военных конфликтах, в первую очередь на гражданских войнах. В основе их лежали реальные исторические факты, но помимо этого во многом был задействован устный материал и некоторые псевдоисторические данные. В результате военные повествования уже сами стали использоваться в качестве материала для изучения исторического фона этих войн.

Что касается «Сказания», то это произведение, относящееся к так называемым поздним военным повествованиям, является одним из редких примеров того, как один из многих действующих лиц ранних военных повествований – полководец Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189) – настолько полюбился аудитории, что стал героем отдельного произведения.

Традиционно и японские, и зарубежные исследователи относят это произведение, как и другие образцы жанра *гунки-моногатари*, к литературным сочинениям, поэтому нередко возникают проблемы, связанные с выявлением его жанровой природы (см., например, у исследователя японской литературы Дональда Кина:

Ковалевская Анна Игоревна – аспирант Российского государственного гуманитарного университета (Миусская пл., 6, Москва, 125993, Россия; lavokynna@gmail.com)

«У автора не хватило мастерства соединить в едином теле сочинения несвязный материал, который остается лишь отступлением, уродующим повествование <...> неуклюжие переходы, повторы и противоречия портят литературное качество» [Keene, 1993, p. 897, 914]). Однако приведенные Кином детали говорят как раз об обратном: «Сказание» – не литературное, а фольклорное произведение, – во всяком случае истоки его лежат в устной традиции. Тому есть ряд доказательств¹, одним из которых является яркий образ верного Ёсицунэ вассала по имени Сайто-но Мусасибо Бэнкэй. В настоящей статье мы рассмотрим возможные истоки формирования этого образа и покажем, что именно в «Сказании» образ Бэнкэя обрел свою целостность и стал значимым персонажем легенды в целом.

Ранние источники, в которых мы можем найти упоминания о Ёсицунэ и его спутниках, в том числе и Бэнкэе, – это военные повествования «Повесть о смуте годов Хэйдзи» (*Хэйдзи-моногатари*, начало XIII в.), «Повесть о доме Тайра» (*Хэйкэ-моногатари*, начало XIII в.) и хроника сёгуната Камакура (1185–1333) «Восточное зеркало» (*Адзума-кагами*, ок. XV в.?). В первом источнике вообще нет упоминаний о Бэнкэе, во втором – несколько упоминаний о нем как о спутнике Ёсицунэ и один сюжет («Ночное нападение в усадьбе Хорикава», *Хорикава-ёути*), в котором Бэнкэй играет большую роль, наконец, в третьем источнике есть лишь несколько упоминаний его имени среди многочисленных спутников Ёсицунэ. В дальнейшем, по мере того как развивается легенда о Ёсицунэ, его более идеализированный образ начинает, видимо, формироваться, и возникает некий собирательный образ идеального спутника главного героя, который воплощается в Бэнкэе.

Среди легенд о Ёсицунэ существует четыре основных сюжета, в которых Бэнкэй играет важную роль: «Битва на мосту» (*Хаси Бэнкэй*), «Бэнкэй в лодке» (*Фуна Бэнкэй*), «Застава Атака» (*Атака-но сэки*) и битва в усадьбе на реке Коромо (*Коромогава-но татакаи*), – подобный хронологический порядок легенд мы можем встретить, например, в «Сказании». Однако формирование образа Бэнкэя, видимо, происходило несколько иначе: по всей вероятности, развитие начинается с легенд о последних годах Ёсицунэ и по мере развития продвигается назад, к начальным эпизодам – знакомству двух героев и рождению Бэнкэя. Это признают исследователи, занимавшиеся фольклорной составляющей «Сказания» [Симадзу, 1935; McCullough, 1966].

Начнем с того, что мы не можем обнаружить каких-либо исторических свидетельств о существовании Бэнкэя. Так, его имя упоминается в хронике сёгуната Камакура «Восточное зеркало», которое одни ученые, например Х. Симадзу, воспринимают как исторический источник, другие в настоящее время это оспаривают. Благодаря текстуальному анализу можно увидеть, что хроника скорее всего была составлена уже постфактум, с использованием сведений из других источников, – в пользу правящего рода [Feng, Wang, 1989]. В любом случае даже в «Восточном зеркале» имя Бэнкэй упоминается всего несколько раз, например, в записях, которые, вероятно, легли в основу сюжета «Бэнкэй в лодке»:

¹ См., например, наши статьи: Ковалевская А. И. Формирование образов «Сказания о Ёсицунэ» на примере сюжетов о чудесном рождении и героической смерти // История и культура Японии 10 / РГГУ, Ин-т восточных культур и античности / Под ред. И. С. Смирнова; отв. ред. А. Н. Мещеряков. СПб.: Гиперион, 2017. С. 118–132; Kovalenskaya A. I. Yoshitsune's Voyage among the Islands – Folklore Tale Type and Its Variants in Japanese Culture // Survival and Sustainability: Contemporary Studies in Humanities 2. Research Project Reports No. 314. Chiba University, 2017. P. 73–82.

3-й день 11-й луны [1185]. Бывший управитель провинции Бидзэн Юкиэ и управитель провинции Иё Ёсицунэ направились в Сайкай². <...> Их сопровождали <...> монах Бэнкэй (弁慶法師) и другие – около трехсот всадников.

6-й день. Когда Юкиэ и Ёсицунэ сели на корабли на берегу Даймоцу, внезапно поднялся сильный ветер и встречные волны обрушились на их суда, поэтому они отказались от мысли пересечь море. Многие сподвижники покинули их, и только четверо осталось: <...> Мусасибо Бэнкэй (武蔵房弁慶), а также одна наложница (по имени Сидзука)³.

Однако во многих других записях «Восточного зеркала», которые касаются бегства Ёсицунэ на север и в свою очередь легли в основу сюжета о переходе заставы, чаще упоминаются другие «свирепые монахи» (悪僧、あくそ):

10-й день добавочной 7-й луны [1186]. <...> схвачен и допрошен служка бывшего управителя провинции Иё [Ёсицунэ]. Он передал, что тот скрывался в горах приблизительно до двадцатого дня шестой луны. И, если это правда, значит, свирепые монахи с горы Хиэй – Сюнсё, Сёи и Тюкё, – сочувствовали ему и помогали.

3-й день 8-й луны [1186]. <...> матерей свирепых монахов Тюкё и Сёи схватили и выяснили, что те находятся на горе Хиэй и поддерживают связь с [сыном] императорского конюшеголевой стороны⁴.

При этом, по данным «Восточного зеркала», Сюнсё, в отличие от Сёи и Тюкё, действительно сопровождал Ёсицунэ в его путешествиях:

17-й день 10-й луны [1188]. Был один человек с горы Хиэй по имени Сюнсё. Несколько лет назад он встал на сторону Ёсицунэ и стал его сподвижником. <...> Говорят, что по возвращении в столицу они решили затеять измену⁵.

Стало быть, одним из реально существующих персонажей, повлиявших на формирование образа Бэнкэя, мог быть монах Сюнсё: из основной легенды о Бэнкэе мы знаем, что он также долгое время обучался на горе Хиэй, совершил там постриг и в дальнейшем позиционировал себя именно как подвижник с горы Хиэй.

Другой значимый элемент легенды о переходе заставы, оказавший влияние на формирование образа Бэнкэя, – это чтение «листа пожертвований» (勸進帳、*кандзинтё*;) и общение героя с управителем Тогаши. Интересно, что в «Сказании» сцена чтения «листа пожертвований» отсутствует, о чем мы еще поговорим, но, так или иначе, сцена между Бэнкэем и Тогаши в «Сказании» изображена очень эмоционально и обнаруживает сходство с похожим эпизодом, представленным в «Повести о доме Тайра», с участием другого знаменитого монаха по имени Монгаку⁶:

² На о. Кюсю.

³ *Адзума-кагами* (Восточное зеркало). 2008. URL: <http://www5a.biglobe.ne.jp/~micro8/toshio/azuma.html> (дата обращения 20.06.2018).

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Монгаку (конец XII – начало XIII в.) – довольно популярный персонаж, появляющийся во многих памятниках японской средневековой литературы, в том числе и в «Повести о доме Тайра».

Бэнкэй	Монгаку
<p>В усадьбе Тогаси проходило празднование начала третьего месяца. <...> играли на музыкальных инструментах, пили вино. <...></p> <p>Мусасибо прошел мимо веранды с охраной и заглянул в дом в самый разгар праздника. Громким голосом он возвестил: «Явился подвижник!» От его крика даже музыканты сбились с ритма.</p> <p>– Явился не ко времени! <...></p> <p>С криками выбежали несколько «разноцветных», но тот и ухом не повел.</p> <p><...> они схватили его за руки, тянули и толкали, но ничего из этого не вышло. <...></p> <p>Они наступали на Мусасибо толпой, но он отвешивал удар за ударом <...> поднялось волнение, и тут вышел сам Тогаси в алых хакама, мягкой шапке <i>наэ-эбоси</i> и с алебардой в руках. <...></p> <p>– Кто таков, подвижник?</p> <p>– Собираю пожертвования для храма Тодай.</p> <p>– А почему один?</p> <p>– Моих единоверцев много, но все они ушли вперед – в Миянокоси. <...> Что подадите, господин? – вопрошал Бэнкэй.</p> <p>Тогда Тогаси приказал подать монаху. Ему были выданы 50 отрезков тончайшего шелка из провинции Кага от хозяйки в качестве подаяния за грехи, белые хакама и зеркала. Подали монаху и другие члены семьи, и служанки, а всего – 150 человек (Гикэйки, 1964, с. 337–338).</p>	<p>Как раз в это время Главный министр Мороката играл перед государем Го-Сиракавой на лютне <...> Веселье и оживление царили за парчовыми занавесами. <...></p> <p>Но при звуках громового голоса Монгаку все сбилось с ритма, мелодии оборвались.</p> <p>«Кто там? Гоните его взащей!» – повелел государь [Го-Сиракава]. Молодые придворные, скорые на расправу, наперегонки бросились выполнять приказание и окружили Монгаку. <...> «Монгаку не двинется с места, пока не будет пожаловано поместье в собственность храма Божьей Защиты в Такао!» – отвечал он. Сукэюки хотел было вытолкать Монгаку в шею, но тот, перехватив поудобнее свой свиток, с размаху ударил его этим свитком по высокой придворной шапке, сбил шапку с головы, а потом, сжав кулаки, ударом в грудь повалил царедворца наземь. <...> Так бросался он то в одну сторону, то в другую, со свитком в левой руке и с мечом в правой; казалось, будто в обеих руках у него оружие!</p> <p><...></p> <p>Тут уж все, кто был во дворце, разом навалились на Монгаку, так что он не мог шевельнуться. <...></p> <p>– Дерзкий монах! – прозвучало августейшее слово, и Монгаку тут же заключили в темницу (Повесть о доме Тайра, 1982, с. 250–252).</p>

Как мы можем убедиться, эпизод, представленный в «Повести о доме Тайра», практически до мельчайших деталей похож на эпизод, представленный в «Сказании», с тем лишь отличием, что в «Повести о доме Тайра» данный эпизод как раз предваряет чтение Монгаку «листа пожертвований», а завершается ссылкой Монгаку за дерзкое поведение (в отличие от Бэнкэя, который получает подаяние).

Итак, в «Сказании» сам эпизод чтения «листа пожертвований» отсутствует, но он отражается в пьесе «Застава Атака» и танце «Тогаси». Это, в частности, приводит некоторых исследователей, например Х. Симадзу, к вопросу, не могла ли пьеса «Застава Атака» появиться раньше сюжета «Сказания»? Другой исследователь, Сиранэ Харуо, наоборот, считает, что пьеса опирается на «Сказание»: ее датировка и авторство точно не известны, но предполагается, что она была написана во второй половине XV – начале XVI в., в период творчества драматурга Нобумицу (1435–1516) [Traditional Japanese Literature, 2007, p. 1017–1018]. Мы придерживаемся второй точки зрения: кажется, что такой значимый элемент, как чтение

«листа пожертвований», не мог быть опущен в «Сказании», а скорее, наоборот, был добавлен позднее, по аналогии со сценой чтения листа монахом Монгаку.

Так или иначе, влияние образа Монгаку, вероятно, распространяется еще на один сюжет – «Бэнкэй в лодке». Мы уже указывали ранее, что в нескольких записях «Восточного зеркала» (от 11-й луны 1185 г.) упоминается столкновение вассалов Ёсицунэ с морской стихией, лишенное, однако, мистического подтекста. Во всех же задействовавших этот сюжет вариантах легенды ⁷ со стихией борется Бэнкэй, вознося молитву буддам. Наиболее ярко подобный эпизод представлен в пьесе «Бэнкэй в лодке», интересен также эпизод, в котором Ёсицунэ умиряет ветер, сбивший корабль с курса, – в обеих сценах прослеживаются параллели с одним из эпизодов «Повести о доме Тайра»:

Пьеса «Бэнкэй в лодке»	«Сказание о Ёсицунэ»	«Повесть о доме Тайра»
<p>Бэнкэй, не растерявшись, встал меж ними: «Нет, меч тут не поможет!»</p> <p>И перебирая четки, начинает</p> <p>Произносить молитву: Богу-хранителю Восточных врат, Годзандзэ, Богу-хранителю Южных врат, Гундари, Богу-хранителю Западных врат, Дайитоку, Богу-хранителю Северных врат, Конго, Всем богам-хранителям, И главному среди них, Всемогущему защитнику Фудо!.. <...></p> <p>Он молится, и злые духи в страхе Все дальше отступают (Ночная песня, 1989, с. 107–108).</p>	<p>И тут с вершины горы Хакусан налетел ветер и погнал судно обратно к мысу Судзу, что в провинции Ното. И неожиданно настроение воинов переменилось <...></p> <p>А Ёсицунэ извлек из своего дорожного ящика меч в ножнах с серебряной отделкой и погрузил его в море со словами: «Подношу Вам, восьми великим царям-драконам!»</p> <p>Потом обернул в алые хакама китайское зеркало и погрузил его с северной стороны со словами: «Преподношу царям-драконам!» После чего ветер прекратился (Гикэйки, 1964, с. 348).</p>	<p><...> волны, казалось, вот-вот опрокинут судно. <...> Когда гибель, казалось, была уже неизбежна, он [Монгаку] вдруг вскочил, выпрямился во весь рост на носу корабля, вперил свирепый взгляд в волны и во весь голос крикнул: – Эй, Царь-Дракон, где ты там, слушай! Как смеешь ты столь невежливо обходиться с судном, несущим праведного монаха? погоди, вот уже поразит небесная кара все ваше драконово племя!</p> <p>По этой ли, по другой ли причине, но только вскоре волны улеглись (Повесть о доме Тайра, 1982, с. 253).</p>

Мы видим, что и в «Сказании», и в «Повести о доме Тайра» есть мотив подношения царям-драконам, и кажется, что представленный в пьесе мотив молитвы божеству Фудо никак с ним не соотносится. Однако если обратиться к традиции почитания в Японии божества Фудо (букв. «неподвижный», санскр. Ачаланатха), можно найти гораздо больше сходств. Из многочисленных легенд о монахе Монгаку нам известно, что он является представителем горного подвижничества, в котором одно из особых мест занимает именно Фудо – один из «светлых государей» (*мё*). Списков таких государей существует разное количество, но чаще всего говорится о пяти, – и один из таких вариантов как раз представлен в пьесе.

⁷ А это: «Сказание» (св. 4 гл. 5), пьеса «Бэнкэй в лодке» (*Фуна Бэнкэй*) и танцы *ковака* «Бегство на Сикоку» (*Сикоку оти*) и «Обыск алтарей» (*Оисагаси*).

Далее, многие водопады в Японии называются в честь Фудо, с чем связывают и его изображение в облики дракона – повелителя вод. Существует немало легенд, в которых Фудо является подвижником в водах водопада, в том числе и монаху Монгаку: однажды он дал обет простоять под струями водопада Нати в течение двадцати одного дня, но когда силы монаха начали иссякать, к нему явились спутники Фудо, после чего вода водопада уже не казалась ему такой холодной (см., например, «Повесть о доме Тайра», 1982, с. 245–247).

Вероятно, в данном сюжете «Бэнкэй в лодке» мы наблюдаем некоторое смешение мотивов, тем не менее общий образ решительного монаха, защищающего команду от бури, передан очень точно, и можно с уверенностью говорить о влиянии образа Монгаку на формирование образа Бэнкэя и в данном сюжете.

Итак, в сюжетах о годах изгнания Ёсицунэ и Бэнкэя на формирование образа Бэнкэя в первую очередь повлияли образы столь же верных (как Сюнсё) и вспыльчивых (как Монгаку) монахов. Х. Симадзу также считает, что наличие исторических записей о монахах с г. Хиэй («Восточное зеркало») и сцен с монахом Монгаку («Повесть о доме Тайра») упростили переход к единому образу Бэнкэя [Симадзу, 1935, с. 443].

Следующим, видимо, должен быть назван сюжет о столкновении Ёсицунэ и Бэнкэя на мосту Годзё, после чего Бэнкэй становится вассалом Ёсицунэ. Сначала, однако, следует сказать о возможных путях формирования этого сюжета в целом⁸.

В ранних источниках – «Повести о смуте годов Хэйдзи», «Повести о доме Тайра», хронике «Восточное зеркало» – сюжет данной легенды отсутствует, и, видимо, первые полноценные легенды появляются ближе к XV в.; в это же время, кстати, появляются пьесы театра *но* и формируется «Сказание».

Ключевыми для данного сюжета являются мотив числовых формул с цифрой девять и сам эпизод сражения Ёсицунэ и Бэнкэя.

Что касается первого мотива, то он довольно распространен как в японском, так и в мировом фольклоре⁹: герой дает обет или обещание сделать что-то сто (тысячу) раз, но на девяносто девятый (девятьсот девяносто девятый) раз происходит нечто, из-за чего обет прерывается.

Основная гипотеза, выдвинутая Х. Симадзу, заключается в том, что первоначально этот мотив был связан с Ёсицунэ: в рассказах «Бэнкэй на мосту» и «Дворец тэнгу»¹⁰, говорится о том, что Ёсицунэ должен убить тысячу воинов из рода Тайра в качестве заупокойной службы по отцу (в последнем рассказе – это предсказание самого отца Ёсицунэ, которого он встречает в буддийском аду). Однако это не тот поступок честолюбивого героя и великого полководца, одолевшего род Тайра, который народная традиция захотела бы отразить в легендах, поэтому мотив «переносится» на вассала. И уже в более позднем варианте – «Повести о Бэнкэе» – убийства совершает именно Бэнкэй. Он хочет снять сто мечей с воинов Тайра в качестве жертвоприношения на отстройку храма Сёся, который до этого нечаянно спалил, однако завершить задуманное у него не получается, поскольку сотым человеком оказывается Ёсицунэ.

Х. Симадзу считает, что пьеса «Бэнкэй на мосту» развивалась скорее под влиянием одноименного рассказа, либо существовал какой-то другой общий источник, поскольку в пьесе есть некоторые детали, отсутствующие в рассказе.

⁸ Варианты сюжета «Бэнкэй на мосту» встречаются в одноименном рассказе *отогидзоси* и одноименной пьесе театра *но*, рассказе «Повесть о Бэнкэе» (Мечь Акимити, 2007, с. 82–121) и «Сказании» (3 св.).

⁹ Например, по указателю [Ikeda, 1971] мотив числовых формул встречается в сюжетах № 400, 666, 810*А; возможно, этот мотив восходит к индийским буддийским легендам.

¹⁰ Тэнгу-но дайри (Дворец тэнгу). 2002. URL: http://www.st.rim.or.jp/~success/tenngu_yositune.html (дата обращения 20.06.2018).

В свою очередь, «Бэнкэй на мосту» старше «Повести о Бэнкэе» (хотя оба они обычно датируются первой половиной XV в.). Так или иначе, мост в данном сюжете появляется позднее (и это признает и Х. Мак Каллоу), т. е. старейшим вариантом является соответствующий эпизод «Сказания», в котором мост как раз отсутствует. Х. Симадзу полагает, что этот вариант сформировался из местной легенды, которая позднее включила в себя мотив моста Годзё, а завершила свое формирование в легенде «Бэнкэй на мосту». Эта легенда, по мнению исследователя, сформировалась чуть ранее годов Эйкё (1429–1441) и уже в таком виде довольно быстро распространилась [Симадзу, 1935, с. 305–309].

При этом, согласно «Сказанию», в столице разбойничает Бэнкэй (мотивация у него отсутствует, но сам числовой мотив сохраняется), и получается, что одна из частей более раннего сюжета – схватка героев в храме – сохраняется, а другая – убийство воинов самим Ёсицунэ – опускается. С одной стороны, это, вероятно, влияние процесса идеализации главного героя, создания более благоприятного образа, а с другой – в «Сказании», возможно, представлен не самый ранний вариант данного сюжета: либо действительно существовал какой-то несохранившийся вариант, либо этот сюжет все-таки подвергся влиянию более позднего сюжета «Бэнкэй на мосту», о котором говорит Х. Симадзу.

Обратимся теперь к другому интересующему нас мотиву – самому сражению Ёсицунэ и Бэнкэя, в котором можно усмотреть сказочный сюжетный тип «Дети и великан»¹¹: хрупкий, женоподобный Ёсицунэ побеждает огромного свирепого монаха и делает его своим вассалом. Однако в данном случае нас в большей степени интересует не сходство данного сюжета со сказочным, а возможное влияние на образ Бэнкэя, которое мы можем обнаружить в схожих сценах сражения Ёсицунэ с другими разбойниками.

Напомним, что в сюжете «Сказания» Бэнкэй именно разбойничает в столице. Надо отметить, что Япония кишела шайками грабителей уже с периода Хэйан (794–1185): в дневниках и других записях можно встретить упоминания о частых набегах таких шаек на дома столичных жителей, а в провинции положение было еще более плачевное. Отпетые разбойники становились известными на всю страну, а истории о ночных грабежах появлялись так часто, что им даже выделили отдельный свиток в «Стародавних повестях» (*Кондзяку-моногатари*, XII в.)¹².

Не удивительно, что подобные сюжеты нашли отражение и в легендах о Ёсицунэ. Пожалуй, самое раннее упоминание о столкновении Ёсицунэ с разбойниками мы встречаем в «Повести о смуте годов Хэйдзи». В первый раз Ёсицунэ сталкивается с конокрадом, который, будучи «ростом в шесть сяку»¹³, <...> вытащил меч и собирался биться до последнего. Никто не отваживался к нему подступить» (Повесть о смуте..., 2011, с. 207)]. Тем не менее юный Ёсицунэ связывает врага. В другой раз он слышит, как в соседский дом забираются грабители: «Ёсицунэ взял меч, вбежал посреди них, четверых зарубил и ранил двоих, сам же вышел из схватки без царапины» (Повесть о смуте..., 2011, с. 208).

В «Сказании» появляется уже полноценный образ разбойника – монаха по имени Фудзисава, который нападает на постоялый двор Кагамив провинции Оми (совр. преф. Сига), где остановился юный Ёсицунэ по пути в северный край. В битве они не уступают друг другу, но в результате Ёсицунэ побеждает монаха. В другом сюжете «Сказания» появляется еще один «головорез» по имени Тан-

¹¹ По указателю [Ikeda, 1971] это сюжеты № 327, 327А, 327В и 327С.

¹² Встреча с разбойниками разрабатывается и в сказочных сюжетах, но их меньше (например, сюжет № 751А «Маска, принятая за лицо», или № 1676С «Маска демона» по указателю [Ikeda, 1971]).

¹³ *Сяку* – мера длины, равная примерно 30,3 см, т. е. рост конокрада составлял чуть более 180 см.

кай, который должен убить Ёсицунэ за то, что тот похитил трактат у известного буддийского монаха.

Сравним облик троих героев «Сказания» – Фудзисава, Танкай и самого Бэнкэй:

Фудзисава	Танкай	Бэнкэй
Монах Фудзисава облачился в черные кожаные доспехи поверх темного платья <i>хитатарэ</i> , завязал шнуры шлема, вложил в футляр из медвежьей кожи длинный меч в лакированных ножнах и взялся за рукоять алебарды (Гикэйки, 1964, с. 60).	Он облачился в трехцветный набрюшник поверх темного платья <i>хитатарэ</i> ; у пояса он держал золоченый меч, <...> а в руках нес алебарду. Хотя он и был монахом, но имел обычное не брить голову, поэтому в монашеском боевом колпаке, натянутом на эту обросшую голову, он был похож на черта (Гикэйки, 1964, с. 92–93).	Поверх темного платья <i>хитатарэ</i> , надел черные доспехи. Хотя он и был монахом, но голову не брил, поэтому на отросшие в три <i>сунна</i> ¹⁴ волосы он нахлобучил шапку <i>момиэбоси</i> . <...> у пояса он держал длинный меч в черных лакированных ножнах, <...> и имел при себе алебарду (Гикэйки, 1964, с. 203).

Очевидно, что описания облачения всех подобных персонажей очень похожи, и любопытно, что все эти герои, несмотря на род своих занятий, представлены как монахи. Наконец, обращает внимание набор оружия героев, который зачастую также совпадает. Об этом пишет Х. Симадзу: он обнаруживает во многих источниках перечисление семи видов оружия, которое используют разные разбойники, в том числе Бэнкэй. Таким образом, он приходит к мысли о том, что и Бэнкэй в какой-то момент начинает осмысливаться как разбойник, который после встречи с Ёсицунэ встает на правильный путь [Симадзу, 1935, с. 563–564]. Среди обладателей этого особого оружия есть также разбойник по имени Кумасака Тёхан, который является одним из персонажей легенды о Ёсицунэ.

Очевидно, что это образ более позднего происхождения и, вероятно, также является собирательным: сюжеты с ним, можно даже сказать, отделяются от легенды о Ёсицунэ, например, появляются рассказы, где мы узнаем о верующих родителях Кумасака, или о том, как он крадет лошадь у своего дяди (вспомним конокрада из «Повести о смуте годов Хэйдзи»).

Нас в первую очередь интересуют пьесы театра *но* «Кумасака» (середина – конец XV в.) и «Заломленная шапка» (ок. XVI в. ?). В этих пьесах, как, впрочем, и в других сюжетах о нападении разбойников, упор всегда делается на то, что противник выше, крупнее, сильнее или старше хрупкого Ёсицунэ, который в некоторых сюжетах еще даже не достиг совершеннолетия.

Сравним несколько подобных схваток:

Бэнкэй

Фудзисава

¹⁴ *Сун* – мера длины, равная примерно 3,03 см, т. е. длина волос Бэнкэя составляла чуть более 9 см.

Мусасибо широко размахнулся и ударил. <...> Ондзоси ¹⁵ подобно молнии уклонился влево так, что кончик длинного меча Бэнкэй увяз в стене. И пока он пытался вытащить меч, Ондзоси подбежал к нему, выбросил вперед левую ногу и сильно ударил его в грудь, – Бэнкэй тут же оборонил свой длинный меч (Гикэйки, 1964, с. 121).

Взмахнув алебардой, монах Фудзисава бросился на Сяна-о ¹⁶. Тот же встретил его, и они один за другим принялись наносить удары. Фудзисава схватил алебарду за самый конец рукояти и нанес удар. Сяна-о отпрыгнул и ударил в ответ. Его меч был знаменитым сокровищем, поэтому одним ударом он перерубил древко алебарды. Фудзисава попытался обнажить меч, но не успел – Сяна-о ударил его прямо по шлему, разрубив череп пополам (Гикэйки, 1964, с. 62).

Танкай	Кумасака
<p>Ондзоси с коротким мечом в руке побежал навстречу Танкай, – закипела яростная схватка. Тут Танкай понял, что ему не справиться с таким противником, и он, решив нанести смертельный удар, взял поудобнее алебарду и яростно ударил. Ондзоси же ударил Танкаю по рукояти алебарды. Когда же алебарда выпала из рук Танкаю, Ондзоси подбежал к нему и кончиком своего короткого меча угодил точно по его шее, так что голова покатила с плеч. В 38 лет нашел он свой конец (Гикэйки, 1964, с. 95).</p>	<p>[пьеса «Кумасака»] Кумасака сделал выпад и алебардой нанес удар, способный пробить стену. Но Усивака, отпрыгнув, парировал удар. <...> Он начал передвигаться так быстро, словно парил в воздухе. <...> Тогда Кумасака бросил алебарду и, расставив свои огромные ручищи, попытался зажать Усивака в углу, но тот ускользнул как молния, туман, лунный свет на водной глади, – глаз его видел, а руки не могли коснуться. Кумасака был повержен (Waley, 1921, p. 67–68). [пьеса «Заломленная шапка»] Пока сбитый с ног Кумасака пытался подняться, Усивака ударил его мечом в живот, разрубив надвое (Waley, 1921, p. 79–80).</p>

И вновь мы можем видеть, что изображения схватки двух героев похожи. Разбойники, как и Бэнкэй, показаны опытными вояками, которые зачастую намного старше Ёсицунэ: Фудзисава по сюжету сорок один год, Танкаю – тридцать восемь, Кумасаке – шестьдесят три. Любопытно, что о возрасте Бэнкэя ни в одном источнике не упоминается, тем не менее очевидно, что он старше и опытнее юного Ёсицунэ. И при этом мы видим, что во всех сражениях опыт разбойников не может сравниться с той ловкостью и легкостью, с которой сражается Ёсицунэ. Обращает внимание также модель битвы: Ёсицунэ ловко парирует удары противника и в конце ударяет его так, что оружие выпадает из рук. И во всех случаях, кроме битвы с Бэнкэем, сражение заканчивается смертью разбойника.

¹⁵ Послушническое имя Ёсицунэ.

¹⁶ Первоначально понятие *ондзоси* служило в качестве обращения к молодому человеку из благородной семьи, с течением времени так стали называть юношей из рода Минамото, а с ростом популярности образа Ёсицунэ оно и вовсе было осмыслено как одно из его имен.

Наконец, интересно обратить внимание на формирование внутренних переживаний персонажа, которое с особой силой проявляется в пьесах. Сравним несколько вариантов:

Кумасака (пьеса «Заломленная шапка»)	Бэнкэй (пьеса «Бэнкэй на мосту»)	Бэнкэй (рассказ «Бэнкэй на мосту»)
<p><i>Разбойник:</i> Да будь мы хоть богами, не смогли бы спастись от нашей судьбы. Соизвольте отозвать людей!</p> <p><i>Кумасака:</i> Ты прав, даже разбойники должны быть избавлены от кровопролития. Иди, отзови моих людей!</p> <p><i>Разбойник:</i> Слушаюсь.</p> <p><i>Кумасака:</i> Постой! Должен ли Кумасака Тёхан бояться произошедшего? Никогда! Сможет ли тогда он скрыть свой позор? Разбойники, в атаку! (Waley, 1921, p. 78–79).</p>	<p><i>Хор:</i> Загадочный, страшный мальчик <...> никто еще не мог противостоять ему. <...></p> <p><i>Бэнкэй:</i> Нет уж, сегодня ночью я не пойду в святилище... Но что же это, такой могучий человек, как Бэнкэй, никогда не должен бояться и бежать из-за каких-то слухов! Когда наступит ночь, я отправлюсь на мост и сразу этого злодея!¹⁷</p>	<p>Бэнкэй решает посмотреть на некого духа, убивающего в ночи неосторожных путников. Увидев гору трупов и красную от крови реку, он сперва отступает, но взяв себя в руки, возвращается. В битве Ёсицунэ ударяет его так, что Бэнкэй теряет меч и после этого обещает ему служить (цит. по: [McCullough, 1966, p. 41]).</p>

В пьесах с участием Кумасаки и Бэнкэя появляется мотив преодоления страха перед Ёсицунэ, и можно подумать, что это некий художественный прием, преемственность традиции, однако подобный мотив мы встречаем также в рассказе «Бэнкэй на мосту». Отметим, что рассматриваемые для сравнения пьесы приписываются разным драматургам, творившим в разное время: пьеса «Кумасака» была создана в середине – конце XV в., а пьесы «Заломленная шапка» и «Бэнкэй на мосту» примерно в конце XV – начале XVI в. Если основываться на данных датировках, то ясно, что образ разбойника Кумасаки мог повлиять на развитие образа Бэнкэя, но, скорее всего, речь может идти об образах в рассказах и пьесах, уже «отделенных» от «Сказания». Тем не менее образы других разбойников вполне могли оказать влияние на развитие образа Бэнкэя, хоть мы не можем быть уверены в том, что это были конкретные образы, например, монахов Фудзисавы и Танкая. И, как пишет Х. Симадзу, разбойники, вроде Танкая или Кумасаки, вполне могли бы занять место вассала Ёсицунэ.

Наконец, завершается развитие образа появлением легенд о детстве и юношестве Бэнкэя. И поскольку Бэнкэй – вымышленный и, очевидно, собирательный образ, а сюжеты о его рождении и взрослении появляются позднее других, то эти сюжеты становятся наиболее вариативными в мелких деталях (см. таблицу) и обнаруживают большое сходство со сказочными сюжетами.

Х. Симадзу полагает, что, скорее всего, старейший источник, где впервые упоминается имя отца Ёсицунэ, – это «Сказание», но стоит отметить, что из рассматриваемых нами вариантов только в двух из них («Повесть о Бэнкэе» и «Сказание») представлена развернутая биография Бэнкэя.

¹⁷ Hashi Benkei (Benkei on the Bridge). Noh Plays DataBase. 2018. URL: http://www.the-noh.com/en/plays/data/program_080.html (дата обращения 20.06.2018).

Детали сюжетов о Мусасибо Бэнкэй
Specifics of storylines with Musashibo Benkei as a character

Произведение	Место рождения	Детское имя	Имя отца, настоятеля Кумано	Имя матери
«Сказание»	Провинция Кии (совр. Вакаяма)	Онивака	Бэнсё	Дочь дайнагона второго ранга
«Повесть о Бэнкэе» (рассказ)		Вакаити	Бэнсин	—
«Бэнкэй на мосту» (рассказ)			Тандзо	
«Дворец тэнгу» (рассказ)		—		

В соответствии со «Сказанием» (св. 3) Бэнкэй рождается только на восемнадцатом месяце и выглядит как двух-трехлетний ребенок с волосами до плеч и зубами во рту. Отец мальчика сразу же желает избавиться от него, но благодаря матери младенца решают отдать на воспитание тетке. Тетка же видит, что *мужчиной ему уже не стать, а надо бы стать буддийским монахом* (Гикэйки, 1964, с. 105), поэтому его отдают в монастырь на горе Хиэй. Несмотря на буйный нрав, Бэнкэй имеет хорошие успехи в учебе, знает буддийские тексты и правила общины, что впоследствии не раз выручает героев во время изгнания Ёсицунэ.

В данном случае можно говорить о чудесном рождении героя и о влиянии на данный сюжет сказочных мотивов [Thompson, 1958]: ребенок с необычной внешностью (группа мотивов T551), длительная беременность (группа мотивов T570), младенец с чертами взрослого (группа мотивов T585). Кроме того, в «Сказании» упоминается, что в возрасте пяти лет Бэнкэй выглядит как двенадцатилетний юноша, что также является сказочным мотивом быстрого роста / взросления (мотив T615). Наконец, важным элементом является также то, что героя отдают на воспитание тетке, которая отправляет его дальше – в горный храм (мотив F612 – отсылка из дома).

Если ли же мы обратимся к «Повести о Бэнкэе», то обнаружим, что в целом здесь сохраняется та же структура, что и в сюжете «Сказания», но, во-первых, появляется ряд новых мотивов, например: мать молится семь дней с просьбой о ниспослании ребенка (мотив T548.1 – молитва бездетных родителей), божество дает матери во сне перо коршуна (мотив T516 – чудесное зачатие во сне, мотив T536 – чудесное зачатие с помощью пера), а во-вторых, развиваются некоторые исходные мотивы: так, Бэнкэй находится в утробе уже не восемнадцать месяцев, а три года, а помимо длинных волос и зубов у младенца появляются также мышцы на руках и на ногах. Таким образом, мы видим, что даже на примере эпизодов зачатия и рождения¹⁸ происходит разрастание сюжета за счет добавления новых деталей. Это может свидетельствовать о том, что «Повесть о Бэнкэе» появилась позднее и, вероятно, под влиянием «Сказания».

Упомянутые сказочные мотивы в большом количестве можно обнаружить как в западных, так и в восточных традициях. В японской традиции также существует

¹⁸ «Повесть о Бэнкэе» состоит из трех частей: в первой рассказывается о детских и юношеских годах героя, во второй – о битве с Ёсицунэ, в третьей – о том, как Бэнкэй спасал своего наставника от попыток враждебного Ёсицунэ дома Тайра (Мечь Акимити, 2007, с. 82–121).

немало сказок с подобным зачином¹⁹: рождение ребенка у бездетной пары (Рикитаро, Момотаро) либо у бездетной пары после молитвы (Урикохимэ, Иссумбоси, Змееньш); новорожденный ребенок очень быстро вырастает и становится самым сильным в окрестности (Рикитаро, Момотаро, Змееньш). Героя высылают из дома: Рикитаро – из-за большого аппетита, а Змееньша – поскольку он пугает односельчан своими размерами. К слову, тот же мотив мы встречаем в легенде о самом Ёсицунэ: его отсылают в монастырь на горе Курама, чтобы он не навредил правящему в то время враждебному дому Тайра. Отметим, наконец, что сказочные мотивы, обнаруживают свои истоки в мифе, и японская традиция не исключение: так, легендарный император Кэйко отправляет своего сына Ямато-такэру в опасный поход, поскольку пугается его необузданной силы (Кодзики, 1994, с. 70).

Дальнейшее развитие сюжета соотносится с уже обсуждавшимися эпизодами: воспитание Бэнкэя на горе Хиэй, где он становится монахом, связано, по-видимому, с влиянием образов «свирепых монахов» из «Восточного зеркала», а его тяга к злодеяниям – с влиянием образов разбойников. Поскольку же речь идет о персонаже вымышленном и собирательном, в эпизодах его детства особенно проявляется народная фантазия: «Бэнкэй, у которого не было реально существующих родителей, был наделен ими народом в легендах», что в полной мере касается и места его рождения, и детского имени [Симадзу, 1935, с. 147].

Таким образом, мы видим, что на разных этапах формирования образа Бэнкэя он «вбирал» в себя самые разные элементы традиции: лояльность – у «свирепых монахов» с горы Хиэй, сопровождавших Ёсицунэ в годы изгнания, вспыльчивость – у легендарного монаха Монгаку, разбойничье прошлое – у монахов-разбойников, наконец, необычное рождение и детство – у сказочных героев, что завершило образование самого настоящего биографического цикла.

Вероятно, соединение всех элементов легенды о Бэнкэе (также как и о Ёсицунэ) происходит именно в «Сказании». Так, здесь подробно описываются последние годы не только Бэнкэя, но и главного героя произведения – годы, которые были зафиксированы хуже всего, и единственным источником, содержащим хоть какую-то информацию об этих годах, является лишь «Восточное зеркало». Однако есть несколько труднообъяснимых вопросов, в первую очередь затрагивающих взаимосвязь «Сказания» и пьес театра *но*: разработка сюжетов в «Сказании» повлияла на становление сюжетов пьес, или, наоборот, появление новых сюжетов в репертуаре театра *но* на формирование сюжетов «Сказания»? Или, возможно, они развивались параллельно, используя в качестве базы какой-то несохранившийся источник?

Так или иначе, эта проблема касается в основном лишь вариантов, относящихся к последним годам (т. е. к сюжетам «Бэнкэй в лодке» и «Застава Атака»), но, по-видимому, мы можем говорить и о том, что самый ранний сохранившийся источник легенд, в которых описываются периоды «разбойничества», юности и детства Бэнкэя, – это также «Сказание» (хотя мы не можем утверждать, что не существовало какого-либо более раннего несохранившегося источника). Например, мы выяснили, что наиболее ранние варианты, затрагивающие детские и юношеские годы Бэнкэя, зафиксированы в «Сказании» и в «Повести о Бэнкэе», однако детальное рассмотрение последнего источника показало, что скорее всего именно «Сказание» оказало влияние на формирование рассказа.

Как бы то ни было, бесспорно, цельный образ Бэнкэя мы впервые обнаруживаем именно в «Сказании», а появление подобного собирательного образа на его

¹⁹ Для примера выбраны сюжеты по указателю [Ikeda, 1971]: 301В – *Рикитаро* (Мальчик-силач); 302 – *Момотаро* (Персиковый мальчик); 408В – *Урикохимэ* (Принцесса-дыня); 425В – *Иссумбоси* (Монах ростом в один сун – японский Мальчик-с-пальчик); 433В – *Хэбино мусуко* (Змееньш).

страницах в очередной раз подтверждает наличие фольклорных корней у этого произведения.

Список литературы

Симадзу Хисамото. Ёсицунэ дэнсэцу то бунгаку [島津久基。 義経伝説と文学。東京：明治書院]。Фольклор и литература о Ёсицунэ. Токио: Мэйдзи сёин, 1935. 783 с. (на яп. яз.)

Feng Zuo zhe, Wang Xiao qiu. Azuma kagami and Wuqijingbu: Historical Evidence of Sino-Japanese Cultural Interaction // Sino-Japanese Studies Newsletter I. New York: Sino-Japanese Studies Group, 1989. No. 2. P. 28–40.

Ikeda H. A Type and Motif Index of Japanese Folk-Literature. Suomalainen tiedeakatemia, 1971. 375 p.

Keene D. Seeds in the Heart. Japanese Literature from Earliest Times to the Late Sixteenth Century. New York: Henry Holt and Company Inc., 1993. 1265 p.

McCullough H. C. Yoshitsune: A Fifteenth-century Japanese Chronicle. California: Stanford Uni. Press, 1966. 376 p.

Traditional Japanese Literature: An Anthology, Beginnings to 1600 / edited with introductions and commentary by Haruo Shirane. New York: Columbia Univ. Press, 2007. 1288 p.

Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/> (дата обращения 20.06.2018).

Список источников

Гикэйки [義経記 // 日本古典文学大系。東京：岩波書店]。Сказание о Ёсицунэ // Собрание произведений японской классической литературы. Токио: Иванами сётэн, 1964. Т. 37. 461 с. (на яп. яз.)

Кодзики – Записи о деяниях древности: Свитки 2-й и 3-й / Пер., предисл. и коммент. Л. Е. Ермаковой, А. Н. Мещерякова. СПб.: ШАР, 1994. 256 с.

Месь Акимити: средневековые японские рассказы / Пер. с яп. М. Торопыгиной. СПб.: Гиперион, 2007. 461 с.

Ночная песня погонщика Ёсаку из Тамба: Японская классическая драма XIV–XV и XVIII вв.: Пер. со старояп. М.: Худож. лит., 1989. 495 с.

Повесть о доме Тайра: Эпос. (XIII в.). / пер. со старояп. И. Львовой; предисл. и коммент. И. Львовой; стихи в пер. А. Долина. М.: Худож. лит., 1982. 496 с.

Повесть о смуте годов Хэйдзи / Пер. с яп., вступ. ст., коммент. и исслед. В. А. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2011. 287 с.

Waley A. The No Plays of Japan. Tokyo: Charles E. Tuttle Company, 1921. 269 p.

А. И. Kovalevskaya

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation, lavokynna@gmail.com*

A hero, the son of legendary parents: formation of the Musashibo Benkei image in the “The Tale of Yoshitsune”

“The Tale of Yoshitsune” is the anonymous work of the 15th century that is traditionally referred to the genre of “war tales” (*gunki monogatari*). These tales were based on the real historical facts, including the materials of oral tradition and some of the pseudo-historical data. Traditionally, researchers relate this work, as well as the other *gunki monogatari*, to the literary works. Therefore it is often difficult to reveal their genre. But apparently, its origins lie in the oral tradi-

tion, one of the arguments being a striking example of a loyal retainer Saito-no Musashibo Benkei.

It is difficult to find any historical records that could prove the existence of Benkei. For example, his name is mentioned in the Kamakura Shogunate's chronicle "Mirror of the East" however its historical actuality is questionable in the current studies. Nevertheless, the image of the "fierce monks" (*akusou*) from the mount Hiei that support Yoshitsune influenced the image of Benkei that provided a basis for legends of the latest period of Benkei's life, as well as the development of the storylines about Benkei's childhood and young adulthood. As far as the Benkei's character becomes popular, in an attempt to create a complete image of Benkei, new fairytale storylines seem to appear, accomplishing the biographical cycle and adding to the storyline a lot of the fairytale motives (longtime pregnancy (T570), supernatural growth (T615), etc.). Thus, the probable origins of Benkei's character will be examined, and it will be shown that it was in "The Tale of Yoshitsune" that the figure of Benkei found its integrity and became a prominent character of the legend in the whole.

Keywords: "Tale of Yoshitsune", *gunki-monogatari*, war tales, development of a folklore character, written folklore, Japanese literature.

DOI 10.17223/18137083/70/4

References

Feng Zuo zhe, Wang Xiao qiu. Azuma kagami and Wujijingbu: Historical evidence of Sino-Japanese cultural interaction. In: *Sino-Japanese Studies Newsletter I*. New York, Sino-Japanese Studies Group, 1989, no. 2, pp. 28–40.

Ikeda H. *A type and motif index of Japanese folk-literature*. Helsinki, Suomalainen tiedeakatemia, 1971, 375 p.

Keene D. *Seeds in the Heart. Japanese literature from earliest times to the late sixteenth century*. New York, Henry Holt and Company Inc., 1993, 1265 p.

McCullough H. C. *Yoshitsune: A fifteenth-century Japanese chronicle*. California, Stanford Univ. Press, 1966, 376 p.

Shimazu Hisamoto. Yoshitsune densetsu to bungaku. 島津久基。義経伝説と文学。[Literature and folklore about Yoshitsune]. Tokyo, Meiji shoin, 1935, 783 p. (in Jap.)

Thompson S. Motif-index of folk-literature: a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. Bloomington, Indiana Univ. Press, 1955–1958. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/> (accessed: 20.06.2018).

Traditional Japanese literature: An anthology, beginnings to 1600. Haruo Shirane (Ed., Comm.). New York, Columbia Univ. Press, 2007, 1288 p.

List of sources

Gikeiki. 義経記. [The Tale of Yoshitsune]. In: *Collected works of Japanese classic literature*. 日本古典文学大系. Tokyo, Iwanami shoten, 1964, vol. 37, 461 p. (in Jap.)

Kojiki – Zapisi o deyanijah drevnosti: Svitki 2 i 3 [Kojiki – Records of ancient matters: Vols 2 and 3]. L. E. Ermakova, A. N. Meshcheryakov (Transl., pref., comm.). St. Petersburg, ShAR, 1994, 256 p.

Mest' Akimichi: srednevekovye yaponskie rasskazy [Akimichi's Revenge: The medieval Japanese stories]. M. Toropygina (Transl. from Japanese). St. Petersburg, Giperion, 2007, 461 p.

Nochnaya pesnya pogonshchika Yosaku iz Tamba: Yaponskaya klassicheskaya drama 14–15 v. i 18 v. Per. so staroyap. [Night song of Yosaku the wainman from Tamba province: Japanese classic drama of the 14–15th and the 18th centuries. Transl. from Old Japanese]. Moscow, Hudozh. lit., 1989, 495 p.

Povest' o dome Taira: Epos (8 v.) [The Tale of Heike: Epos (the 8th century)]. I. L'vova (Transl. from Old Japanese, comm.), A. Dolin (Transl. of verses). Moscow, Hudozh. lit., 1982, 496 p.

Povest' o smute godov Heiji [The Tale of Heiji]. V. A. Onishchenko (Transl. from Japanese, pref., comm., and research). St. Petersburg, Giperion, 2011, 287 p.

Waley A. *The No Plays of Japan*. Tokyo, Charles E. Tuttle Company, 1921, 269 p.